

Святослав Логинов

Во имя твое

Святослав Логинов

Во имя твое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138785

Аннотация

Повествование о сборщике хвороста Рено, который решил, дойти до края земной тверди, забраться на небосклон и попросить Бога вернуть к жизни его единственную дочь. Но сможет ли он добиться своей цели и что ждет его в пути?

Содержание

Глава 1.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Святослав Логинов

Во имя твоё

*Да будет воля твоя, яко на небеси, и на земли...
Молитва Господня.*

Глава 1. Рената

И всё-таки, на душе беспокойно. Кажется, что особенно страшного произошло? Было так и будет, со многими хуже бывает, а маркиз Д'Анкор – сеньор добрый и щедрый. Вот оно, золото, хоть сейчас можно пойти и достать, спрятано в погребке, не закопано, боже упаси, там всегда в первую очередь ищут, а замазано в стену, у самого потолка. Полный кошелек золота! Чтобы заработать столько, ему пришлось бы десять лет таскать хворост на нужды святой инквизиции. А сколько бы он проел за эти десять лет? Нет, никогда он не сумел бы скопить таких денег. Другой бы радовался удаче, а у него в груди тоска.

Рената спит на чердаке. Вокруг так тихо, что кажется, будто слышно её дыхание. Бедняжка! Он так и не сумел объяснить ей, что она теперь богатая невеста, любой почтёт за честь жениться на ней. А изъян? Кто нынче обращает на

него внимание? Золото заменит невинность. К тому же, право первой ночи всё равно за Д'Анкором. И лес, где всё произошло, принадлежит маркизату.

– Ты моя самая прекрасная добыча, – сказал маркиз и кинул кошелёк. Глупышка сбежала, бросив деньги на земле, он потом долго разыскивал то место. По счастью, золото не пропало, в лесу мало кто бывает, только свита маркиза, лесничие и ещё он с Ренатой, потому что он поставляет дрова доминиканцам.

Святые отцы прижимисты и платят не больше чем горожане, но их можно понять, всё-таки здесь не монастырь, а только небольшая община, ютящаяся по милости маркиза в одной из старых башен замка. Всё вокруг – владения Д'Аннора, даже дрова инквизиторы должны покупать – сбор и продажа дров поручены Рено.

Конечно, хотелось бы получать за свой труд побольше, хотя ему и так удивительно повезло: не надо таскать хворост в город и платить дровяную пошлину за право собирать вдоль дорог ветки. Да и много ли наберёшь там, где промышляют все бедняки округи? То ли дело в лесу! Хотя и туда порой забираются браконьеры. Он не любил, но никогда не выдавал их; с этими отчаянными людьми, рискующими шеей из-за пары брёвен, лучше не ссориться. И без того его недолюбливают и считают связавшимся см дьяволом. Мужланам даже неизвестно, что дьявол не может войти в святые стены иначе как с разрешения инквизитора. А он, Рено, бывает там

ежедневно, ибо пыточные горны горят день и ночь.

Хотя и ему бывает не по себе, когда он попадает в низкие сводчатые подвалы святого суда, где жутко дробятся крики, а на углях наливаются вишнёвым вычурно-зловещие предметы. Он скидывает вязанку около очага, быстро распутывает ремешок, стягивающий поленья, и уходит, стараясь не смотреть туда, где свисает с потолка петля дыбы и громоздятся по краям топчана большие и малые колодки с округлыми вырезами для ног и шеи. Он идёт за следующей охапкой, и ему всё время кажется, что с дыбы слышится судорожное дыхание и слабый больной стон. Слава богу, он не имеет права присутствовать при испытаниях, но стоны из-за дверей он слышал. Стоны оттуда, куда он только что приносил дрова.

Во всём виноваты проклятые еретики! Пусть дьявол строит козни, но если ходить в церковь, платить подати, исповедоваться и получать отпущение грехов, то все его старания пропадут втуне. А эти слабые, прельстившись ложной бесовской властью, отдали свои души, так что надо теперь спасать их, как бы ни было то страшно и жестоко. Он никогда не мог представить, каково приходится отцам-доминиканцам, если даже ему, не бывавшему при испытаниях, так жутко. И как надо любить заблудшие души, чтобы спасать их, не смущаясь жалостью и рискуя впасть в грех ожесточения.

Но что надо нераскаянным? Откуда в них такая злоба? Ведь все беды идут от них. Если бы не было ведьм и колдунов, инквизиции не пришлось бы жечь свои горны, и Рена-

та не имела бы доступа в проклятый лес. Но не было бы и золота, и домика в тени крепостных стен, и отец Шотар не кивал бы ему при встречах столь ласково.

Нет, это суетные мысли, церковь всё равно не оставила бы верного сына. Надо молиться... и ещё надо успокоить Ренату, а то девочка слишком несчастна. Пойти, что ли, посмотреть, как она там...

Рено поднялся, взял глиняную плошку с салом, в котором плавал горящий фитиль, и полез на чердак по крутой внутренней лестнице. Там, прикрыв ладонью огонёк, чтобы не погас, да и Ренату чтобы не беспокоить, вошёл в комнатушку дочери...

В первый миг показалось, что кто-то чужой забрался в комнату Ренаты и стоит у её кровати, длинный, тонкий, страшный, с чёрным безобразным лицом, залитым тёмной пеной, текущей из носа, стоит, не касаясь пола вытянутыми ногами. Огонёк прыгал на конце фитиля, и казалось, что самоубийца ещё бьётся в петле.

Плошка упала на пол, сало расплескалось, огонёк, фукнув, погас. В темноте способность действовать вернулась к Рено. Он бросился вперёд, выхватил нож, ударил им по туго натянутой верёвке, подхватил Ренату. Она была тёплой, Рено даже показалось, что сердце бьётся. Узел от верёвки врезался глубоко в шею под правой щекой, его тоже пришлось резать на ощупь. В темноте было почти ничего не видно, и Рено изо всех сил внушал себе, что лицо у дочери вовсе не

такое безнадежно страшное, что она жива. Он вдвухвал воздух в распухшие прокушенные губы, растирал руки, а она холодела, тело её становилось мёртвым и неподатливым.

Он понял это и, оставив дочь присел на корточки, шаря руками по полу. Нашупал осколок плошки, повертел в пальцах, бросил и, выпрямившись, спросил, обращаясь к едва светлеющему квадратику окошка:

– Господи, за что?!

* * *

Отец Шотар был скорее доволен, нежели разгневан. Проповедь на тему о самоубийцах была его любимым детищем, а тут ещё покончила с собой молодая красивая девушка, так что здесь открывались необозримые просторы для догадок, а вместе с тем и пастырского красноречия. Отец Шотар, войдя в раж, стучал кулаком по кафедре, скрипевшей под его грузным телом, и громил грехи собравшихся, давно забыв о тексте проповеди да и о священном писании, в котором он никогда не был слишком твёрд:

– ...и только впавшему в грех самоубийства нет спасения. Ничьё заступничество не убережёт его от ада, от его огненных рек без единой капли воды, от адских мук, не оставляющих ни на одно мгновение. Она уже там, я говорю вам это! Взгляните на её почерневшее лицо – это дьявольская морда! Жак Патен, не ты ли говорил, что нет в мире ничего краси-

вее её глаз? Пойди, взгляни в её глаза – они лопнули! Олив, Жак Тади, Пьер, я знаю, вы все мечтали о ласках проклятой грешницы, бегите, посмотрите на неё, дотроньтесь до её груди – там адский лёд, а если бы вы могли узреть её душу, ощутили бы адский пламень. Спешите увидеть грех, как он есть, и наказание за него, понять гнусность прелюбодеяния и жалкую тщету мирского. Спешите, ведь завтра её крючьями стащат на свалку и бросят там вместе с падалью на пожрание бездомным кошкам, этим верным слугам дьявола! Даже тело её не избегнет кары и, осквернённое грехом, распадётся в скверне. Никогда её душа не найдёт покоя, и тело её никогда не упокоится в освящённой земле, ибо запрещено хоронить самоубийц. Такова дорога зла, её итог. И все вы, сосуды скудельные, с самого рождения стоите в её начале, а многие и на полпути. Рождённым в грехе и вожделении – можно ли быть чистыми? Но ужаснее того быть рождённым в грехе смертном, горе тому, чьё зачатие не освящено таинством брака! Трепещите, прелюбодеи, ибо это ваш путь! Да, да, я не оговорился. В моих книгах записано, что мерзкая грешница родилась на десятый месяц после свадьбы своих родителей, а из трудов святых отцов мы знаем, что женщина может носить плод до двенадцати. Пусть Рено ответит, истинно ли в законном браке зачал он преступную дочь свою?..

Отец Шотар остановился, оглядел прихожан и спросил:
– Но почему я не вижу здесь Рено?

Молодой только что народившийся месяц выглядывал порой из-за облаков и, словно испугавшись чего-то, прятался назад, не осветив земли. Тёплый ветер порывами рвал верхушки деревьев, неровный шум гнущихся ветвей заглушал шуршание песка и стук заступа. Рено торопливо копал, стараясь не смотреть туда, где завёрнутое в белое полотно лежало тело Ренаты.

Полотно когда-то давно ткала Анна. Самое тонкое белое полотно маленькой дочурке на брачную простыню, чтобы не стыдно было людям показать. Только пошло полотно на саван дочурке. Без гроба хоронит Рено единственного своего ребёнка. Но всё-таки здесь, на кладбище, в освящённой земле, рядом с могилой матери. Пять серебряных монет утишили гнев священника, и хоть не разрешил он хоронить Ренату, но сказал как бы невзначай, что этой ночью на кладбище сторожа не будет. И тут же добавил значительно:

– Надеюсь, никто не посмеет осквернить последний приют рабов божьих. Но если увижу утром следы нечестивых трудов, то святая инквизиция найдёт богохульника и сурово покарат.

– Господи, помилосердствуй, – шепчет Рено. Никогда за всю жизнь не брал он на душу столько греха. Но иначе никак. Каков бы ни был грех, он не мог остановить Рено по-

сле того, как прозвучали страшные слова: «...влачение тела и бесчестное погребение».

Рено отложил заступ, ладонями разровнял дно и выбрался наружу. Он поднял Ренату на руки и опустил в могилу, так и не осмелившись приподнять простыню, последний раз взглянуть на изувеченное лицо. Белая фигурка лежала в яме, казавшейся страшно глубокой, и Рено сначала присыпал её опавшими листьями, потому что не мог сбрасывать землю прямо на грудь Ренате.

Ещё минуту он смотрел вниз на жёлтые и красные листья, выглядевшими в темноте серыми и чёрными, потом начал осыпать вниз песок. Разровнял место, аккуратно уложил назад срезанный дёрн, поцеловал пожухлую траву, вытер грязным пальцем сухие глаза и пошёл к дому. По дороге его начало словно пьяного.

* * *

Наутро Рено был у ворот замка. Он не мог бы сказать, что привело его сюда, просто ночью он вдруг решил пойти и вот, пришёл. На Рено была лучшая куртка, новые штаны, а на ногах вместо обычных сабо – башмаки грубой кожи, с носками, подбитыми медью. Шапку он держал в руках. Сначала вовсе хотел идти без шапки, но потом решил, что шапка в руках яснее покажет его покорность.

На ночь замок запирался, в округе пошаливали, но весь

день ворота были распахнуты, а мост опущен. Несколько арбалетчиков охраняли вход; серебряная монетка, попавшая в кошель одного из них, позволила Рено пройти во двор. Как трудно ему доставались эти монетки, и как легко и быстро начали они исчезать!

Рено прежде не приходилось бывать дальше крепостного двора, и он замешкался, не зная, куда идти. Тут-то и подошёл к нему господин Д'Ангель. Господин Д'Ангель был знатным барином и учёным человеком. Он долго жил в столице, знал толк в нарядах и учтивом обращении. Он приехал однажды в замок погостить и гостил уже третий год подряд.

– Мюжик! – произнёс господин Д'Ангель, – что ты здесь делаешь? Ступай прочь!

Рено смял шапку в руках и низко поклонился.

– Припадаю к стопам вашей милости, господин Д'Ангель, – сказал он, – и прошу прощения за дерзость, но мне обязательно нужно увидеть маркиза.

– Ты подл и грязен, – промолвил Д'Ангель, – ты даже не можешь правильно обратиться к благородному человеку. Своим варварским языком ты уродуешь моё благородное имя. Я дворянин, мой род восходит к Анжелюсу Гальскому, который был квестором ещё во времена Юстиана! К сожалению, обстоятельства не позволяют мне достойно поддерживать честь рода, древностью равного императорским.

– Я понял, господин Д'Ангель, – Рено достал из кошелька несколько серебряных монеток, протянул Д'Ангелю. Тот

встряхнул их на ладони, деньги тонко звякнули.

– Мюжик, что ты мне даёшь? – возмутился он, пряча монеты. – Разве ты не знаешь, что вам, смердам, прилична медь, серебро горожанам, а нас, дворян, достойно лишь золото? Хотя, откуда оно у тебя? Ступай прочь.

Золото было тут же, но не в кошельке, уже почти опустевшем, а зашито в пояс тонким рядом, чтобы было незаметно. Рено надорвал уголок пояса и вытащил три монеты. В глазах Д'Ангеля мелькнул огонёк, он уже не подкидывал деньги на ладони, а тут же засунул их поглубже. Затем он приосанился и промолвил:

– Не думай, что ты подкупил меня. Это невозможно. Я взял деньги, чтобы восстановить справедливость, ибо, как я уже говорил, тебе неприлично иметь золото, а мне нужно поддерживать достойный образ жизни. Пусть это послужит тебе утешением. Ступай... Хотя, погоди! Длина твоего пояса не соответствует тем деньгам, что ты мне дал. Стяжательство, согласно Фоме Аквинскому, есть смертный грех, и поэтому, для спасения души ты должен вернуть всё. Живо!

– Господин Д'Анжель, эти деньги мои, – возразил Рено.

– Ты бунтовать?! Мерзавец! Смотри, казематы доминиканцев примыкают прямо к стене замка. Вот через эту дверцу тебя потащат прямо в подвалы. И для этого мне достаточно всего-лишь кликнуть стражу.

– Ваша милость, – сказал Рено, выпрямляясь, – вы верно изволили сказать, что грехи мои велики, но осмелюсь заме-

тить, что если меня схватят, то всё моё достояние отойдёт церкви, вам же не достанется ничего. А если вы проведёте меня к его сиятельству маркизу Д'Анкору, то получите ещё три золотых.

Уголком разума он понимал, что говорит жуткие, невозможные вещи, но уже не владел собой. Глаза застилал красный туман, тело чуть заметно дрожало, и по спине полз сладкий холодок отчаянности, как в юности перед большой дракой.

Господин Д'Ангель налился пунцовой краской и прошипел:

– Негодяй!.. – потом брезгливо передёрнул плечами и высокомерно бросил: – Ступай за мной.

Они прошли по узкому, несколько раз круто поворачивавшему коридору, остановились возле тяжёлой пыльной портьеры, закрывавшей вход. Оттуда доносился звон посуды и голоса.

– Маркиз завтракает, – прошептал Д'Ангель, – я из-за тебя опоздал к столу, и ты мне за это ответишь. А сейчас, давай деньги.

Рено осторожно выглянул в щёлку. Посредине обширного зала стоял стол, и за ним лицом к Рено сидел маркиз. Рядом с ним сидела маркиза, которую Рено видел пару раз, когда она выезжала из замка. Несколько дворян из самых мелких вассалов маркизата стояли в стороне и наблюдали за трапезой. Места для Д'Ангеля за столом не было.

Д'Ангель больно ткнул Рено в бок и снова прошипел:
– Деньги давай!..

Рено отсчитал три золотых, отдал их, широко перекрестился, вздохнул, словно перед прыжком в воду, потом, откинув занавесь, выбежал на середину зала и пал в ноги маркизу.

При виде Рено маркиз удивлённо вскинул голову, брови его полезли вверх, а острая бородка, по-модному загнутая вперёд, устоялась в потолок.

– Что это? – спросил он.

– Ваше сиятельство! – срывающимся голосом выкрикнул Рено. – Выслушайте меня!

– Говори, – бросил маркиз, склоняясь над блюдом.

– Я холоп ваш, Рено, по вашему милостивому повелению собираю в ваших лесах хворост для продажи монастырю...

– Они давно хотят приобрести лес в своё владение, – заметил маркиз, повернувшись к супруге, – но я предпочитаю, чтобы они были мне обязаны. Кроме того, сводить охотничий лес с земель майората было бы варварством. Там попадают такие секачи...

– Ваше сиятельство! – воззвал Рено. – Третьего дня на охоте вы изволили встретить в лесу мою дочь!..

– Как же, помню, – оживился маркиз. – Очень хорошенькая девчонка.

– Она умерла.

– Как жаль! Будь моя воля, красивые женщины не умира-

ли бы никогда. Однако, бог думает по-другому. Ему, конечно, тоже было бы скучно среди одних старух. Но что ты хочешь от меня?

– Ваше сиятельство, вы забрали у меня единственную дочь. Как же мне теперь жить?

– Ведь я же дал!.. – с досадой воскликнул Д'Анкор, но в этот момент его перебила маркиза.

– Тео, – мягко сказала она, – Ты обещал не заводить девок среди деревенских.

– Это было случайно, – отозвался маркиз и снова повернувшись к Рено быстро сказал: – Бедняжка умерла. Жаль. Такая хорошенькая! Но теперь, конечно, ничего не поделаешь. Возьми и постарайся утешиться.

Маленький мешочек веско упал вниз, ударив Рено по пальцам правой руки. Машинально Рено поднял его, встал с пола и, пятясь, выбрался из зала. Д'Ангеля за стеной уже не было. Рено сделал несколько шагов, прислонился к стене. Ноги казались набитыми тряпками и не держали его. Холодок ужаса пропал, только перед глазами плавал туман, но уже не красный, а какого-то гнусного коричневатого-зелёного цвета. И было отрешённое от всего удивление. Что он делает здесь? Зачем пришёл? Что хотел услышать и получить?

Рено развязал мешочек. Там лежало золото. Шесть полновесных золотых. Ровно столько, сколько он потратил, чтобы попасть сюда. Рено расправил шляпу и надел её. Он было двинулся к выходу, но за изгибом коридора послышался

голос Д'Ангеля, вышедшего откуда-то сбоку:

– Ждать его будешь в кустах у развилки. У него полный кошель серебра. Кроме того, от меня ты получишь золотой. Ты понимаешь, что должен это сделать сразу, без шума и криков.

– Ясно, – коротко ответил невидимый собеседник.

Двое вышли из замка, и Рено, подождав немного, вышел за ними следом. Он не испугался, что его собираются убить, это само собой разумелось. Он только тряс головой и досадливо морщился, стараясь разогнать стоящую перед глазами зелень.

На улице Рено огляделся, пересёк двор и потянул на себя тяжёлую, окованную железом дверь, за которой, по словам Д'Ангеля, находились давно знакомые ему подземелья.

* * *

Низкий коридор, почти подземный ход, такой же изви- вающийся, как в замке. Нависающие сводчатые потолки с древней округлой аркой, и на каждом колене прохода по несколько дверей. У самого входа две каморки. В одной Рено держал запас дров, в другой мастер Шуто хранил свой страшный инструмент. Чуть подальше комната заседаний трибунала, потом коридор нырял вниз, где в толще камня вырублены тесные норы для нераскаявшихся. А в самом конце – обширная пыточная камера.

На пятьдесят лье в окружности это единственное место, где заседал священный трибунал. Преступников привозили отовсюду, а потом отправляли в город для аутодафе. Одни отделялись покаянием и позорным столбом, другие, более опасные, вырывались из лап дьявола, пройдя через цепи ко-стра или виселицы.

Из замка Рено попал в помещение трибунала. Раньше он и не подозревал об этом пути, которым ходили судьи. Рено побрёл в коридор и снова прислонился к стене. Из-за непослушных ног приходилось то и дело останавливаться. К тому же, к зелени в глазах присоединилось дикое ощущение, что всё это уже было с ним, что это не в первый раз. Рено даже мог сказать, что сейчас произойдёт: снизу поднимется добрый отец Де Бюсси и скажет что-то очень важное, от чего сразу переменится жизнь.

Отец Де Бюсси вышел из-за поворота.

– Рено, – сказал он, – тебя нет третий день. В камерах кончились дрова, а нам привезли несчастного, погубившего свою душу. Срочно принеси дров в дальнюю камеру. Враг уже там, но я разрешаю тебе войти.

– Господин... – робко сказал Рено.

– Я знаю, о чём ты хочешь поведать, – внушительно произнёс отец Де Бюсси. – Знаю и скорблю с тобой вместе. Но даже скорбь не может угасить священного гнева при мысли о её грехе. И о твоём грехе тоже, Рено. Где ты её закопал?

– В лесу.

– Покаяние, сын мой. Я думаю, если ты сегодня всенародно покаешься, то епитимья не будет слишком суровой.

– Но святой отец, – дрожащим голосом спросил Рено, – как же я буду жить, если она никогда ко мне не вернётся?

– Молись, Рено. Проси господа, это единственный путь. Спаситель сказал: «Встань и иди», – и мёртвый ожил. Если молитва твоя будет горяча, как моления первых праведников, то господь может явить чудо и дать твоей дочери возможность искупить грех. А теперь ступай и принеси дров.

Рено двинулся к каморке. Всё вокруг казалось зыбким как во сне. Тихий шелест плыл в ушах, сливаясь в причудливую мелодию, звуки проходили сквозь него, теряя свою привычность, касались мозга таинственной значительностью и исчезали, не оставив в памяти следа. Только голос Де Бюсси ещё звучал, и Рено знал, что потом он вспомнит и поймёт, что ему было сказано. Туман, ядовито-зелёный, с просинью, кисеёй закрывал глаза, смазывал очертания предметов, обтекал тело, щекотал, вылизывал колени, заставляя их дрожать; Рено обратился в марионетку, которую ему приходилось дёргать за нити, чтобы она, шаркая, переставляла ноги.

Он спускался по ступеням с вязанкой за плечами, когда снизу донёсся рёв Шуто – пыточных дел мастера:

– Дрова будут?! Самому мне за ними идти, что ли?!

Голос грохнул и пропал. Рено не вздрогнул, не поднял головы, не ускорил шага. Он твёрдо знал, что всё это уже было, а потом будет снова, что это навсегда.

Он вошёл в камеру, не думая, что первый раз заходит туда во время пытки.

И вдруг из угла, с топчана, из завинченных колодок раздался голос. И голос называл его по имени!

— Рено! — звал человек. — Рено, взгляни на меня, слышишь, это я, Рено!

Голос незнакомый, хриплый, острый как лезвие, он рассекал зелёный туман и, казалось, резал уши. Рено повернулся спиной к углу, нагнулся, путаясь пальцами в петлях ремешка.

— Рено!.. — кричал лежащий. — Ты должен посмотреть на меня! немедленно подними голову!

Рено выдернул ремешок, поленья рассыпались с глухим стуком. Ссутулившись и шаркая ногами, Рено пошёл прочь.

— Рено!!! — железная дверь захлопнулась, отрезав крик.

В коридоре Рено остановился и поднял голову. Туман исчез, руки и ноги звенели усталостью, но были своими, послушными. Рено выбрался из подвалов и, сойдя с дороги, перелесками, прячась среди кустов, двинулся к дому.

В доме кто-то побывал до него. Дверь была сорвана с петель, вещи разбросаны по полу, а большое посеребрённое распятие исчезло совсем. Рено поднял табурет и уселся. Вот здесь он должен молиться горячо, как первые праведники. Молиться и поминутно ожидать удара в спину. Он должен покаяться. В чём?.. Солгать? Какое же это будет покаяние? А правда положит конец и молитве и самой жизни. И раз-

ве не молился он вчера? Да от его слов небо должно было обуглиться. И всё-таки, молитва не была услышана. Легко было первым праведникам, они видели Христа, могли схватить его за одежды и стоном заставить себя выслушать. А он? Далеко до неба...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.